

жат пчелы. Видимо, в парке Иоанна XXIII создан искусственный микроклимат. Массивный объект заслонял парк от северного ветра, а влияние сакрального объекта поклонения, по-видимому, также привело к смягчению климата в этом священном месте французской истории. Шел я себе между деревьев и паломников с туристами, наполнявших парк, и наслаждался этим земным раем. Деревья там безжалостно обрезали сверху, и в конце концов они стали похожи на крепкие и густые зеленые веники, поставленные на рукояти. Зимой же тот же парк был удручающе безлюден и просто католически свят. Что придавало ему климат, какой царил в большинстве фильмов Антониони: пустынности, странности, и выглядел он символично. Символизируя отсутствие человека и всю святость этого отсутствия. Это было волшебное место.

Помимо Префектуры полиции в этом месте острова Сите находился Госпиталь Бога, туда я приходил к исколотой маляком-любовником Наташе в 1992-м и прогуливался с нею в галереях этого средневекового медицинского учреждения. Возможно, первого в Европе, потому что его основание датируется концом VII века нашей эры. И снаружи, и внутри L'hôpital de Dieu желт и холоден. Галереи обвивают большой внутренний каменный двор Госпиталя Бога. Наташа была тиха, печальна и подавлена. Рука у нее была в гипсе и в дощечках, лицо все в наклейках. Из ран на лице торчали медицинские нитки. Она могла отправиться на тот свет уже тогда, за 11 лет до своей фактической смерти, потому что глубокая рана в виске опасно обнажала синюю бьющуюся височную вену. Но тогда ей не было суждено умереть.

Помимо Префектуры и Госпиталя Бога чуть поодаль, но в том же квартале находится Дворец Правосудия. В том его крыле, что выходит к Сене, расположено несколько старых башен. В одной из них сидела королева Мария-Антуанетта. Мало кто зна-

Я ПЕРЕСЕЛИЛСЯ В ПАРИЖ

в 1980 году, «джентрификация» его, то есть превращение в город богатых, тогда только началась

ет об этом, но тюрьма Консьержери существует и поныне. Ну, в том случае, если ее не упразднили в последние годы. Тюрьма эта расположена под Дворцом Правосудия, она подземная. В ней содержат преступников, судимых во Дворце. Оттого что рядом проходят до сих пор старые сточные каналы, в тюрьме, говорят, стоит летом невыносимый запах клоаки. Там сидел уже совсем недавно знаменитый Карлос-Шакал.

Повторюсь, когда я проходил в этом квартале весной, я находился в состоянии восторга. Я чувствовал, как из меня рвутся восклицания, и иногда я себе их позволял, восклицания по-русски: — О, это солнце! — О, эти благоуханные цветущие деревья! — О, пчелы! — О, теплый ветер с сочленения Сены! — О, вечность, о, счастье! Так я восклицал. Фруктовые деревья в парке Иоанна XXIII цвели обыкновенно уже в апреле,

ибо это ведь Франция, весна туда приходит быстрее. Мои восклицания не понимали коллеги-прохожие по парку. Они ведь не понимали по-русски.

Еще один крупный пункт в Paris — точка ориентировки — находился, если идти вдоль Сены, то больше часа, это Елисейские Поля. Мимо моста Искусств, мимо здания универмага «Самаритэн», мимо черного тогда еще от копоти из выхлопных труб автомобилей Лувра. Я шел, стуча красными сапогами (до колен, я привез сапоги из Америки), китайская куртка без воротника перепоюса ремешком. После сада Тюильри я наискосок выходил на Елисейские Поля у пляс де ла Конкорд (т. е. площади Согласия) и шел неустанно вперед под старыми деревьями. Доходил до Rond point — Круглой точки — небольшой площади.

Дальше Елисейские Поля уже не пахли землей и зеленью, а пахли камнем, асфальтом, бензином и тушами домов, потому что после Круглой точки там начинались дома, парковая часть Елисейских Полей сменялась городской. Кафе, рестораны, кинотеатры, пассажи сливали на тротуары и на асфальт тонны разноцветного света. Музыка, шарканье ног прохожих, девушки, развеваемые ветром на фрагменты волос, шарфов, пальто, юнши, освищенные ветром, старые господа и старые господа, арабы и негры — все это летело под ветром, если был ветер. А если это было жаркое лето, то все это плыло в горячем и мокром желе. Зимой каблучки стучали жестче, плиты тротуара становились белыми, видимо, это было свойство камня, из которого в Paris делают плиты для тротуаров: при холодной температуре они всегда белеют. Открывались двери кафе, выпускала горький пар кофейных автоматов. У ресторанов на стойках лежали на льду в лубяных коробках устрицы, а рядом стояли молодцы в фартуках, с картузами, как у Жириновского, на голове. К их услугам на улице редко кто обращается, хотя можно, конечно, тут же купить кулек устриц, если хочешь. Основное назначение устричных молодцов — объявлять о том, что в этом ресторане устрицы есть, что они свежие. И таким

ФОТО ИЗ АРХИВА ЭЛЕАГРЫ ЛИНКОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ЭЛЕАГРЫ ЛИНКОВА

С АЛЕКСАНДРОМ ШАТАЛОВЫМ, НАТАЛЬЕЙ МЕДВЕДЕВОЙ И ИГОРЕМ АНДРЕЕВЫМ В МАСТЕРСКОЙ АНДРЕЕВАС

образом приглашать зайти. На самом деле прохожий мог, если хотел, остановиться, попросить открыть несколько устриц, высосать их тут же, проглотить и побегать дальше. Но даже в те дни такие вещи проделывали только французы старого закала.

Конечно, мутная Сена служит неизменным знаком ориентировки в Paris. Она всегда будет на месте и никуда не исчезнет, что бы ни случилось. Она всегда была на месте. Она ежедневно ерзает в своем мокром ложе о склизкие камни, о мелкий песок и об ил, она неспокойна всегда, у нее холерический темперамент. Цвет ее меняется в зависимости от количества дождей и от облаков над нею.

Я любил после активного дня (с утра за столом, затем физические упражнения и обед, обыкновенно часа в четыре, в пять) отшагать вдоль Сены либо до сада Тюильри, либо по Елисейским Полям, дальше до самой Триумфальной арки. И мне никогда не надоедал этот маршрут. Весной вдоль Сены цвели каштаны. Поравнявшись с Лувром, можно было пройти на деревянный мост Искусств и постоять посередине реки, опершись на перила. Если Москва-река не чувствуется обычно обонянием, над ней нет паров, то Сена чувствуется теплым, либо промозглым баннным присутствием. Эта река пахнет как море.

Еще одной точкой ориентировки служили для меня три мои парижские квартиры. Все три находились в 3-м аррондисмане. Я переселился в Париж в 1980 году, «джентрификация» его, то есть превращение в город богатых, тогда только началась. Снял через агентство недвижимости студию на улице Архивов.

Четвертый этаж, два окна, узкая, как трамвай, по мере удаления от окон свет